

Глава первая

Торф в очаге давно прогорел, и пепел посерел, но Роб Мак-Ларен не чувствовал холода. Он не мог замерзнуть, пока под ним извивалась его страстная женщина. Пар их дыхания смешивался в холодном воздухе спальни. Фиона приподняла бедра, приглашая его войти еще глубже, и он прикусил собственную щеку, чтобы не излить в нее свое семя.

Слишком рано.

Ему хотелось, чтобы это наслаждение никогда не заканчивалось, ведь с ним была женщина, которую он обожал.

Роб приподнялся на руках и впился в нее взглядом. От свежей остались одни огарки, но их мерцания хватало, чтобы окутать ее мягким загадочным светом. Он смог отчетливо рассмотреть свою жену. Ее клубничного цвета соски заострились. Трудно было сказать, что тому причиной — холод или возбуждение, но в любом случае ему нравилось на них смотреть.

— Что ты делаешь, дурачок? Здесь слишком холодно!

Фиона приподнялась и прильнула к нему в поисках тепла.

— Вот что получается, когда выходишь замуж на Рождество. Тебя неизбежно ждет холодная брачная ночь.

Роб ласково оттолкнул ее от себя, и она послушно откинулась на пуховую перину.

— Мерзнуть совершенно не обязательно. — Фиона покрылась гусиной кожей. — Давай укроемся.

— Не могу. Я должен смотреть на женщину, на которой женился, — ответил он. — Я хочу видеть, как ты растаеешь от моих ласк. Я хочу видеть твое лицо, когда ты замурлычешь за мгновение до того, как кончить.

— Замурлычу, говоришь? — Она затряслась от смеха. — Будь осторожен, муженек, как бы я не выпустила коготки.

Фиона провела ногтями по его обнаженной груди, отчего его мошонка сжалась в тугую узел.

Роб склонился над ней и поцеловал, накрыв ртом ее губы и скользя языком по ее языку. Затем он на долю секунды отстранился, чтобы сосредоточиться на наслаждении, которое испытывал, проскальзывая в ее влажную глубину. Потом снова приподнялся, дотянулся до ее складок и ласково их погладил.

— О Роб! — Ее внутренние мышцы стиснули его плоть, и он ощутил легкое дрожание, предвещавшее экстаз. — Когда ты так делаешь, я уже не чувствую холода... и мне наплевать, что я могу простудиться насмерть... смерть... смерть...

Ее голос эхом разнесся по спальне и растаял где-то высоко, под самым потолком.

Роб вздрогнул и огляделся вокруг.

Он находился не в супружеской спальне. Он лежал на твердой, как камень, земле, и его член тоже затвердел, готовясь войти в женщину из его сна. В застывшем небе мерцали безразличные звезды. Рядом похрапывали его люди.

Осознание того, что Фиона умерла, ранило его с новой силой.

Роб женился на ней почти два года назад, на Рождество, а к Крещению она его уже покинула. Он был ее супругом двенадцать дней. Всего двенадцать.

Теперь не проходило и ночи, чтобы жена не явилась ему, подобно привидению. Иногда Фиона была нежна, порой она

его пугала. Она жила в его снах, но ему никогда не удавалось удержать ее на земле.

Ночью она была такой живой, такой реальной, что, проснувшись, Роб страдал при мысли о том, что ее нет рядом.

Один из его спутников громко всхрипнул и что-то забормотал во сне. До рассвета оставалось еще несколько часов, а до момента, когда Роб сможет осуществить задуманное, и того больше. Но он и не помышлял о сне.

Одна мысль о том, что он во второй раз за ночь может пережить потерю Фионы, казалась ему невыносимой.

* * *

Он устремил взгляд на каменную церквушку на противоположном краю ущелья. Волынки, наигрывавшие праздничную мелодию, сфальшивив, засипели и умолкли. Роб и его люди притаились на опушке леса, наблюдая за свадебной церемонией. Только что прибыл жених со своими гостями. Царила тишина, нарушаемая только пронзительными криками сойки в ветвях у Роба над головой.

Должно быть, церемония была в самом разгаре. Роб фыркнул, подобно дракону выпустив изо рта облачко пара.

— Пора, Хэмиш.

— Тсс, дружище. Может, ты все-таки передумаешь?

Его друг покачал головой. Рыжая борода делала Хэмиша похожим на встревоженного ежа. Он никогда не позволял бороде преодолеть стадию щетины. Хэмиш работал с металлом, и иметь растительность на лице для него было очень опасно. Даже его брови постоянно были опалены огнем.

— Если ты действительно это сделаешь, люди скажут, что ты... что ты...

— Что я сошел с ума? Они это и так уже говорят. — Роб вскочил на черного жеребца. Его волнение передалось животному, принявшемуся бить землю копытом. Коню тоже

не терпелось ринуться в гущу событий. — Я не вижу для себя другого выхода. Так ты сможешь мне или нет?

— Слушай, Роб, ты можешь об этом не спрашивать, но...

— Тогда готовь людей. Я рассчитываю, что, когда мы увидимся с тобой в следующий раз, я буду спешить.

Наградив друга невеселой усмешкой, Роб пришпорил коня и пустил его галопом.

Хэмиш допускал, что, когда он увидит Роба в следующий раз, тот вообще никуда не будет спешить.

Он не исключал, что к этому моменту его друг погибнет.

* * *

Запах благовоний был таким приторным, что Элспет Стюарт боялась упасть в обморок. Но невеста должна стоять перед алтарем.

Она коротко вздохнула и слотнула. Вот так-то лучше. Священник продолжал монотонно бубнить молитвы. Элспет бросила осторожный взгляд из-под ресниц на загорелое лицо человека, которому предстояло стать ее мужем.

Лахлан Драммонд.

Это был высокий представительный мужчина, одетый в праздничную национальную одежду. Он не казался Элспет непривлекательным, и ее несколько не беспокоили морщинки в углах его глаз, указывавшие на то, что он уже много лет, прищурившись, смотрит на мир, освещенный неярким северным солнцем. Эти морщинки говорили о том, что перед ней человек действия, в отличие от разодетых английских придворных, время от времени наносивших визиты шотландской королеве.

Что вызывало у Элспет тревогу, так это глубокие борозды между его бровями и жесткие складки у рта.

— Не бойся, — поспешила успокоить ее мать, когда девушка пожаловалась на то, что совсем не знает своего жениха и что, повстречай она его при дворе королевы Марии, по-

нятия не будет иметь, о чем с ним беседовать. — Драммонда выбрал для тебя твой отец, а он знает, что делает. Мудрее будет согласиться с его решением.

Королева тоже одобрила их союз. Своей политикой она и без того настроила против себя очень многих придворных. Ее величество не рискнула навлекать на себя гнев еще двоих, оспаривая их мнение по такому незначительному поводу, как брак одной из своих фрейлин.

«Незначительному для всех, кроме меня!» — мысленно возмутилась Элспет.

Что сейчас происходило на самом деле, так это окончательное заключение договора об обмене племенным скотом, предоставлении прав на его выпас и верности двух кланов друг другу. Не о таком браке мечтала Элспет.

И не таким она его *видела*. Элспет была наделена даром предвидения, но ни одно из ее видений не указывало на подобный союз.

Эта напроочь лишенная любви церемония была бесконечно далека от историй об утонченной преданности, описываемых в ее драгоценной книжке сонетов.

Тем не менее, когда священник попросил Лахлана Драммонда поклясться в верности своей будущей жене, голос жениха не дрогнул. Он произнес слова клятвы уверенно, но мягко и даже ободряюще улыбнулся ей.

Элспет поспешно отвела глаза и уставилась на свои стиснутые руки. Ее щеки горели, как в лихорадке.

Она задавалась вопросом, права ли была ее мать.

— Страсть, — говорила Мораг Стюарт, — это блюдо, которое сначала пышет жаром, а потом остывает, становясь холодным, как могила. Брак, устроенный родителями — это котел, который медленно кипит на слабом огне. Равномерно подогреваемый бульон очень питателен и согревает все тело.

Элспет не знала, как она станет делать то, чего, по словам матери, ожидает от нее муж. Это было недопустимо интимно.